

Ю. П. КОСТЮЧЕНКО

ЗНАЧЕНИЕ ДЕЯТЕЛЯ ПРИ СТРАДАТЕЛЬНОМ ЗАЛОГЕ (АГЕНСА) И ТВОРИТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

1. В весьма обстоятельном описании творительного деятеля (далее — ТД) у А. А. Потебни особое внимание обращает на себя следующее: ТД «весьма далек от творительного социативного»; ТД «напротив... весьма близок к творительному орудия и легко может быть выведен прямо из него. По Буслаеву, этот падеж даже собственно принадлежит к творительному орудия... и действующее лицо в нем более принимается за орудие действия, нежели за самостоятельного действующего»; ТД «есть творительный орудия, специализированный страдательностью сказуемого и условленный ею в большей мере, чем какой-либо другой творительный»¹.

Удаленность ТД от социативного значения и близость ТД к творительному орудия (далее — ТО) есть в то же время косвенный признак удаленности ТО от социатива, что справедливо не только для славянских языков. Положение об ограниченной самостоятельности деятеля при пассиве, поддерживаемое также другими исследователями (А. М. Пешковский, В. В. Виноградов), следует уточнить, высказав предположение о том, что в разные периоды истории языка «степень самостоятельности» агенса оказывается неодинаковой, возрастая по мере приближения к современному языку. В ходе дальнейшего изложения будет предпринята попытка обосновать высказанное предположение с помощью фактического материала славянских и других языков. Наконец, взаимоотношения страдательности сказуемого и агенса также подвержены историческим изменениям, что справедливо не только для ТД, но и для других способов выражения значения при пассиве, что ниже показано на некоторых примерах.

Современная точка зрения на рассматриваемые вопросы отчасти представлена в большом коллективном исследовании «Творительный падеж в славянских языках». В соответствии с общими установками этой работы, об отношениях ТО и ТД к социативу в ней сказано очень мало. Понимание истории ТД в большой степени характеризуется следующим высказыванием: «Творительный падеж является формой выражения логического субъекта страдательных конструкций, искони присущей славянским языкам»². Один из синонимов ТД — сочетание *от* + РП (родительный падеж) — «так же древен, как творительный падеж, и идет из праславянской эпохи»³. Более того, предполагается, что оба способа (ТД и *от* + РП) «были понятны и искони свойственны в с е м (разрядка наша.— Ю. К.) славянским языкам»⁴. О распространенности в древнеславянской письменности названных способов можно судить по тому, что ТД «в старославянском употреблялся приблизительно столь же часто, что и *от* + р о

¹ А. А. П о т е б н я, Из записок по русской грамматике, I—II, М., 1958, стр. 453, 454.

² «Творительный падеж в славянских языках» (далее — ТПСЯ), М., 1958, стр. 148.

³ Там же, стр. 149.

⁴ Там же, стр. 131.

д и т е л ь н ы й»⁵, а в древнерусском — «во всяком случае отнюдь не уже, чем родительный с предлогом *от*»⁶.

В этом же исследовании на стр. 139 сказано (на наш взгляд, совершенно справедливо) следующее: «Употребление *от* + р о д и т е л ь н ы й в русском литературном языке прошлых эпох было результатом влияния на него языка старославянского. Оно было значительным в первые века существования письменности на Руси и характерно для определенных жанров древнерусской литературы, подвергавшихся влиянию старославянского языка». Несколькими строками ниже находим еще более определенное высказывание: «Нам кажется, что веским доказательством иноземного характера конструкции *от* + р о д и т е л ь н ы й является почти полное отсутствие его в древней деловой письменности и современных русских диалектах». Поскольку неясные и противоречивые положения встречаются не только в ТПСЯ, но и в других исследованиях, целесообразно кратко изложить некоторые основные сведения, касающиеся распространения значения агенса и способов его выражения в древних славянских языках.

2. Количественная сторона употребления творительного падежа (ТП), ТД и сочетания *от* + РП показана в таблице.

ТП, ТД и от + РП в некоторых письменных памятниках

Памятник	Всего примеров с ТП	Из них с ТД	<i>от</i> + РП	Разность в пользу <i>от</i> + РП
1. Новгородские берестяные грамоты (до № 318)	101	—	—	—
2. Былины, сказания	223	—	—	—
3. Слово о полку Игореве	125	—	2	+ 2
4. Хожение игумена Даниила ¹	56	—	2	+ 2
	674	51—8%	67	+16
5. Повесть временных лет ²	(328)	(8—2%)		
6. Евангелие от Марка	153	6—4%	14	+ 8
7. Евангелие от Матфея	201	23—11%	17	— 6
Всего:		80	102	+22

¹ Обследован неполностью.

² Цифры в скобках характеризуют текст «Повести временных лет», из которого исключены почти все религиозно-нравоучительные вкрапления, т. е. характеризуют текст собственно летописи (см.: Н. К. Гудзий, Хрестоматия по древней русской литературе XI—XVII веков, М., 1952, стр. 3—30).

Как явствует из таблицы, распространенность рассматриваемых способов выражения агенса в древнейших памятниках весьма неодинакова. В памятниках, наиболее близких к живому, народному языку, значение деятеля при страдательном залоге не встречается вовсе. В памятниках, близких к «устному литературному языку», примеры с агенсом крайне редки, причем сочетание *от* + РП оказывается единственным или преобладающим над ТД способом выражения агенса во всех древнейших памятниках, что справедливо и для других памятников, не внесенных в таблицу (отклонение от такой закономерности в языке «Евангелия от Матфея» рассматривается ниже). Наши наблюдения и подсчеты позволяют присо-

⁵ Там же, стр. 133.

⁶ Там же, стр. 137.

единиться к мнению Л. А. Булаховского, что при страдательных причастиях и родственных им аналитических формах «чаще, однако (чем ТП. — Ю. К.), в древнерусском... выступает, по-видимому, по иноязычным образцам, *от* с родительным падежом, а также, что «упомянутое древнерусское *от* с родительным падежом при формах страдательного залога останавливает на себе внимание как едва ли не единственная предложная конструкция, проникшая через старославянское посредство из греческого»⁷. В. И. Борковский также отмечает, что «в древнерусских памятниках, насколько позволяют судить немногочисленные примеры, первый способ (ТД. — Ю. К.) указания на действующее лицо не был господствующим в безличных предложениях с причастием страдательного залога», а в «старорусских произведениях тв. п. действующего лица встречается реже, чем род. п. с предлогом *отъ*»⁸. Аналогичное состояние наблюдается в староукраинском, старобелорусском, а также в древнепольском, лужицких и других языках. Необходимо, однако, подчеркнуть, что изложенная выше особенность свойственна прежде всего древнейшим памятникам, а позже — памятникам, продолжающим традиции книжного стиля.

По-иному дело обстоит в более поздних памятниках деловой письменности и других источниках, близких к живому, народному языку. Это обстоятельство, упоминаемое исследователями (Е. А. Седельников, ТПСЯ), привело к выводу о преобладании ТД над сочетанием *от* + РП в древнерусской письменности в общем, что не подтверждается фактическим материалом. В непереводных памятниках значения агенса сначала вовсе нет или же оно встречается крайне редко (тем реже, чем древнее памятник и чем дальше его язык от книжного). Там, где такое значение появляется, оно, по книжным образцам, выражается с помощью сочетания *от* + РП, что очень хорошо заметно в «Слове о полку Игореве», «Хождении игумена Даниила» и др. Употребление ТД в непереводных памятниках появляется значительно позже и, как кажется, непосредственно связано с развитием деловой письменности. (Между прочим, отсутствие агенса и, позже, выражение его с помощью ТД и других средств, кроме *от* + РП, является косвенным, но надежным признаком близости памятника к нормам и стилю живого народного языка). В этом отношении весьма показателен анализ языка «Повести временных лет». В неполном тексте «Повести временных лет» (см. примеч. к табл.) ТД употреблен только в шести из 328 случаев с ТП: *яко ненавидими богомъ есмь; побъгаемъ новыми людьми хрестьяньскими; поѣже тѣмъ есть поручено богомъ; быша обидими древлями и инѣми околними; и се вѣзюша послании Святополкомъ и Давыдомъ; не мучимы никимже*. Книжный характер примеров говорит сам за себя. В полном тексте «Повести» от начала до описания событий в 1015 г. (80 стр. современного издания) обнаружены всего 10 примеров с ТД. И только во всем тексте памятника (при 674 случаях употребления ТП) количество примеров с ТД возрастает за счет «вкраплений» до 51 (8%). Можно полагать, что в древнерусской письменности (независимо от решения вопроса о существовании ТД «в языке праславянской эпохи» или еще раньше, что одинаково сомнительно) распространение ТД непосредственно связано с влиянием моделей (норм, стиля) старославянских памятников и церковнославянской литературы вообще).

3. В употреблении ТП и сочетания *от* + РП в древнейших памятниках легко обнаруживается закономерность, восходящая к нормам греческого оригинала «священного писания»: ДП или, чаще, сочетание *ἐν* +

⁷ Л. А. Булаховский, Исторический комментарий к русскому литературному языку, Киев, 1950, стр. 253, 265.

⁸ [В. И. Борковский], Сравнительно-исторический синтаксис восточнославянских языков. Типы простого предложения, М., 1968, стр. 172—173.

+ДП выражает «орудие-предмет» или, редко, «орудие-лицо», «посредника», что обычно выражалось сочетанием предлога *diá* («через») с РП и ВП. Значение деятеля обычно, но не всегда, выражается сочетанием РП с предлогом *bló* — «внизу, под, от». В старославянских переводах греческому ДП или *év* + ДП закономерно (при немногочисленных отступлениях) соответствует ТП, выражающий «орудие» или «посредника», а сочетание *bló* + РП соответствует *от* + РП. (Отступления от этой закономерности обычно состоят не в употреблении ТП, но в изменении структуры всего предложения.) Упомянутая закономерность видна в примерах: *на томъ мѣстѣ побіенъ бысть каменіемъ* (ТП) *Стефанъ первомученикъ отъ іудей* (*от* + РП) («Хождение игумена Даниила»); *прелщена сущи отъ него вѣховнымъ злодѣйствомъ* («Александрия»); *уязвенъ будыше отъ бѣсовъ язвою* («Повесть временных лет»); *посеканы саблями калеными шеломи оварьскыя отъ тебя, яръ туре Всеволоде* («Слово о полку Игореве») и множестве других, обнаруживаемых в древнейших памятниках всех жанров. При этом необходимо помнить о действии в конкретных общественно-исторических условиях столь существенного «внешнелингвистического» фактора, каким являлось влияние церковнославянских норм на развитие древнерусского и родственных языков.

В общем виде соотношения и развитие упоминавшихся выше средств языка можно представить следующим образом:

Значение	Греч.	Ст.-слав.	Др.-русс.	Совр.
«собственно деятель»	<i>bló</i> +	РП → <i>отъ</i> + РП → <i>от</i> + РП	→ ТП (ТД)	
«лицо-орудие»	<i>diá</i> +	РП, ВП	→ ТП	→ ТП
«предмет-орудие»	<i>év</i> +	ДП	→ ТП	→ ТП
				<i>через</i> + ВП
				ТП (ТО)

Схема, в частности, помогает уяснить необычное, на первый взгляд, отступление от общей закономерности в «Евангелии от Матфея». Анализ текста показывает, что значение «собственно деятеля» можно обнаружить только в 11 из 23 примеров с ТП: *попираема челоуѣки* (Мт IV, 13), *рожденных женами* (Мт XI, 11), *реченного вамъ богомъ* (Мт XXII, 31) и др. В остальных примерах ТП оказывается «лицом-орудием», выполняющим действие по воле другого лица. В оригинале в таких местах употреблен ДП без предлога: *ἔστι ἐρρέθη τοῖς ἀρχαίοις* (Мт V, 21 — *яко речено бысть древнимъ*) и др., что последовательно переводилось славянским ТП, обычно независимо от значений «лицо — не-лицо». Кроме того, в нескольких местах славянский ТП употреблен там, где в оригинале или готском переводе нет указания агенса: ст.-слав. *речено бысть древнимъ* (Мт V, 27) — греч. *ἐρρέθη*, гот. *qīþan ist*.

4. Изложенные выше закономерности наблюдаются и в древнейших памятниках других жанров. Сопоставление языка трех договоров с Византией показывает следующее. В договоре 911 г., в полном соответствии с распространенным мнением о заметном влиянии на его язык норм греческого оригинала⁹, сочетание *от* + РП решительно преобладает над примерами с ТП, которых всего два, причем второй — не во всех списках: *да ят будетъ тѣмъ же у него будетъ украдено и аще вывержена будетъ лодья вътромъ великимъ* (в части списков *вътромъ великимъ* отсутствует); примеры на сочетание с *от*: *иже послани отъ Олга... и отъ всѣхъ* (в летописи далее

⁹ См.: С. П. Обнорский, Язык договоров русских с греками, «Язык и мышление», VI—VII, М.—Л., 1936, стр. 102—103.

непосредственно после текста договора употреблен ТП: *послании же Олгом сли, также послѣ; и ятъ будетъ в томъ часть татъ... отъ погубившего* (т. е. потерпевшим); *да не взыщется смерть его ни отъ хрестѣанъ ни отъ Руси; держимъ есть или отъ Руси или отъ грекъ и под.*, иноязычный характер которых обычно явно ощутим. При уточнении в 944 г. некоторых статей договора Олега (911 г.) во всех случаях с агенсом употреблено сочетание с *отъ*; ср. *да умретъ иде же сотворитъ убийство* (911 г.) — *да держимъ будетъ створимый убийство отъ ближнихъ убѣнаго* (944 г.) и др. В примере *и отъ тѣхъ заповѣдано обновити вѣтхий миръ ненавидящаго добра и враждолюбца дьявола разоренный отъ многъ лѣтъ* (в некоторых списках разоренный отсутствует) форма РП дьявола может быть либо определением к *миръ*, что мало вероятно, либо в сочетании с *разоренный* образует «родительный деятеля», подобно аналогичному употреблению в балтийских, древнеперсидском и других языках, в том числе и в греческом. В примере *да кленутся о всемъ яже суть написана на харатъи сей, хранити отъ Игоря и отъ всѣхъ бояръ и отъ всѣхъ людей отъ страны Рускыя* сочетания с предлогом *отъ* могут относиться либо к *кленутся*, т. е. «клянутся отъ (имени) к о г о», либо к *хранити*. В последнем случае, вытекающем из контекста, образуется указание деятеля при инфинитиве: *хранити отъ Игоря* (и других), т. е. «Игорем и другими лицами». Эти и многие другие примеры [ср. *имеетъ клятву отъ бога* (971 г.), *и да посечени будутъ мечи, своими, отъ стрѣлъ и отъ иного оружья своего* и др.] позволяют лишь отчасти присоединиться к мнению Л. П. Якубинского о том, что договор 944 г. «переведен в общем хорошо». Примеры такого рода не встречаются в памятниках устного народного творчества, берестяных грамотах, деловой письменности, говорах и т. п., и это еще раз свидетельствует о том, что сочетание *отъ* + РП в качестве способа выражения значения агенса было чуждым древнерусскому языку (и другим), который уже располагал ТО, в особых условиях развивавшимся в ТД. Изложенные выше и другие обстоятельства заставляют думать о том, что в период создания первых письменных памятников древние славянские языки (подобно древним германским, греческому и др.) не располагали еще ни ясно осознаваемым значением агенса, ни четко оформившимися способами его выражения. [Впрочем в языке греческого оригинала, представляющем довольно поздний период истории греческого языка, также нет однозначных и универсальных средств выражения значения агенса, которое вполне отчетливо восходит к конкретным значениям удаления, отделения, направления действия, принадлежности и др.; ср. примеры: *и будете ненавидимы всѣми* — ὅπῃ πάντων («от всех»); *дано ему отъ отца моего* — ἐκ τοῦ πατρὸς μου («из→ отца моего»); *бысть человекъ посланъ отъ бога* — παρὰ Θεοῦ («у, при → от бога»); *искушену быти отъ старъць и архиереи* — ἀπὸ τῶν πρεσβυτέρων («с их стороны, от них»); *аще се услышано будетъ оу игемона* — ἐπὶ τοῦ ἡγεμόνος («около, при → у него → им»); *законъ моисеомъ данъ бысть* — διὰ Μωσέως («через него»); *о божѣ суть сѣблана* — ἐν Θεῷ («в, у, при → у кого → кем»); *и яко ся позна има* — αὐτοῖς («им → ими»); *бѣ знаемъ архиереови* — τῷ ἀρχιερεῖ («кому»); *свѣдѣтельство иоанново* — τοῦ Ἰωάννου («кого, чье → сделано кем»); *поношеніе мое въ человекѣхъ* — ἐν ἀνθρώποις («в людях, в их среде → людьми») и мн. др.]

5. Весьма распространенный в западной части севернорусских говоров оборот с предлогом *у* и формой РП (редко — местного падежа) типа *три овцы у волка зарезано* (т. е. «волк зарезал»), *впереди его проехано у богатыря* («богатырь проехал впереди»), *овес у птицахъ* (МП) *склевано* («птицы склевали») и под. в разное время привлекал внимание исследователей. А. А. Потехин считал «странным» совмещение безличного страдательного причастия на -о «с указанием на определенного деятеля посредством *у* с р о-

д и т е л ь н ы м»¹⁰, что не укладывается в рамки традиционных представлений об «исконии» существующих в славянских языках способах выражения деятеля при страдательных оборотах. В. И. Борковский считает, что «данный безличный оборот, — по-видимому, новгородская особенность, при этом д р е в н е й ш е г о» (разрядка наша. — Ю. К.) происхождения, имевшая место в крестьянских говорах, но не проникшая в письменный язык. Нормы литературного языка не смогли поколебать этой особенности и безличный оборот типа: *у него уехано* — не вышел из употребления»¹¹. В ТПСЯ (стр. 141) сказано, что «своеобразие этой конструкции до сих пор не получило достаточно полного объяснения», что вполне справедливо.

Весьма существенно то, что оборот *у + РП* понимается как древнейшее явление, сохранившееся в наиболее удаленных от южнославянского влияния говорах. Можно полагать, что в древности, а отчасти и позже, этот оборот был распространен шире. В переводах «священного писания» есть примеры типа *аще се оуслышано бѣдетъ оу игемона* (Мт XXVIII, 14 — *ἐπὶ τοῦ ἡγεμόνος*), а также типа *оучисѣ оу Гуса* и под.; ср. также в былинах: *неладно у апостолов удумано, неладно у святыхъ отцовъ написано* и др.

Во всех славянских языках широко распространены употребления типа ст.-слав. *гласъ трубы услышано будеть*, др.-русск. *елико ихъ есть не хрещено*, русск. *с молодю много бито, граблено; три озерышка горючихъ слез наронено; про все договорено ся*; укр. *з тої сосни медъ вибрано і сосну спалено; і злодія не було, і батька вкрадено*; белорусск. *у храмъ божий приуходжано, на коленацьки падзёно* и под.; то же в польском, болгарском и других языках. Причастие на -о образуется как от переходных, так и от непереходных глаголов, что позволяет думать о его первоначальном употреблении в условиях неразличения этих категорий и, следовательно, вне какой-либо связи со значением действующего лица. В предложениях типа укр. *тополю істятю і гілля забрано*, по выражению А. А. Потебни, «не думается о том, кем оно сделано». Безразличие к переходности глагола и отсутствие какого-либо намека на возможность мысли об источнике (виновнике, агенте) действия или состояния свидетельствуют о сохранении в таких предложениях следов глубокой древности. Они, как видно, намного древнее тех, в которых как-либо указан деятель при причастии страдательном. Страдательность рассмотренных выше причастий на -о (*идено, сосватанось, послужено, взято, насясно* и т. п.), следовательно, осознавалась в условиях, так сказать, «безактуализации» действия, приведшего к возникновению того или иного признака.

«Расширение» предложений с причастиями на -о при помощи оборота с предлогом *у*, как в *у меня три поля кручиночки насыяно; завечен я у своихъ родителей; онъ обернутъ у Маришки у Кайдалевны; у волка идено по дороги; столько пройдено у малой у скотинушки* и под., восходит к такому же конкретному значению места, какое наблюдается, например, в *у тоя у Грязи у Черный, у тоя у березы у покланья, у славного креста у Леванидова, у славенкой у речки у Смородинки сидитъ Соловей-разбойникъ* и во множестве аналогичных употреблений. Однако в определенных условиях, а именно — с РП от наименований живых существ происходит изменение местного значения *у*, при, возле → *у кого: и брака у нихъ не бываше; и не бѣ в нихъ правды; у коня-то стали ножки подгибаться* и под. Местное значение отягощается оттенком значения принадлежности, которое становится «семантическим центром» выражений типа *у меня три года какъ сосватанось или ейна шубонька была у насъ скидывана*. Значение же деятеля остается

¹⁰ А. А. Потебня, Из записок по русской грамматике, III, М., 1968, стр. 344.

¹¹ В. И. Борковский, Синтаксис древнерусскихъ грамот, Львов, 1949, стр. 79; «Сравнительно-исторический синтаксис восточнославянскихъ языков. Типы простого предложения», стр. 171.

факультативным, оно может в некоторых ситуациях ощущаться в большей или меньшей степени, но может и пребывать в качестве оттенка значения принадлежности или места действия. В этом отношении сочетание *y + РП* (как, впрочем, ст.-слав. *отъ + РП*, греч. *ὅπό + РП*, обороты с лат. *a, ab*, герм. *von, by, fram* и др.) в с е г д а отягощено оттенками конкретных местных значений и по точности, выразительности и однозначности не идет ни в какое сравнение со славянским ТД. Кроме того, употребление сочетания *y + РП* нередко оказывается двусмысленным: ср. *сено у его куплено* — «он купил» или «у него купили». Естественно полагать, что употребление оборота *y + РП* могло возникнуть т о л ь к о в условиях отсутствия более совершенного способа выражения значения агенса — ТД. (Предположение о вытеснении ТД оборотом *y + РП* кажется совершенно нереальным). Поскольку в рассматриваемых говорах существует ТО, который во всех других языках и говорах лежит в основе ТД, то можно думать, что, по крайней мере, для части древних говоров ТД и сочетание *от + РП* не являются средствами, «искони» им присущими. Более того, имеются веские основания полагать, что, во-первых, в древние времена значение агенса не было известно этим говорам и что, во-вторых, такое предполагаемое состояние было свойственно не только западной части северных говоров. В пользу такого предположения свидетельствуют также другие обстоятельства, отчасти изложенные ниже.

6. Помимо рассмотренных, в славянских языках существуют многие средства языка, используемые для выражения значения деятеля при страдательном залоге. Здесь целесообразно упомянуть лишь о значении принадлежности, выражаемом РП или притяжательным местоимением, и значении направления → перехода или источника действия, что выражается дательным падежом. Упомянутые средства языка заслуживают особого внимания еще и потому, что они используются для выражения агенса не только в славянских, но и в других, древних и новых, родственных языках.

В примере *все думушки его да е обдуманы* [ср. *все думушки у его (у него) обдумано*] «не думается» о том, кем выполнено действие, но вполне ясно, что *его думушки* обдуманы им же самим, и в том случае, если возникает необходимость указать, КЕМ выполнено действие (что для страдательных оборотов существовало в языке отнюдь не «искони»), значение принадлежности может служить указанием деятеля. Похоже на то, что именно такое факультативное значение деятеля наблюдается в др.-перс. *ima tya tana kartam* «это, которое мое сделанное» или *mai y piça kartam* «моего отца сделанное» с формами родительно-дательного падежа¹². Аналогичное положение в балтийских языках, например, в латыш. *tana drauga padaritais darbs...* «моего друга сделанная работа», но отнюдь не «моим другом»; таково же употребление РП в литовском языке. Существенно, что в некоторых языках (например, в балтийских) РП является единственной падежной формой, которая может при необходимости указать деятеля страдательной конструкции, в то время как ТП, существующий в этих языках, для этой цели не употребляется и, как можно полагать, не употреблялся ранее.

Довольно близкую аналогию можно обнаружить, например, в др.-греч. οἱ ἵπποι αὐτοῦ δεδευται «лошади у них (у персов) привязаны» (дословно «им привязаны») с так называемым «ДП принадлежности», который, однако, выражает и то, что лошади у персов привязаны самими же персами. Значение принадлежности в примерах: *остави намъ прегръшенія наша*

¹² Л. А. Пирейко, Основные вопросы эргативности на материале индоиранских языков, М., 1968, стр. 10—15.

(т. е. «грехи, сделанные нами»), и *обличи побѣду свою* («одержанную тобою»), *се есть свѣдѣтельство Иоаново* и под. также служит указанием деятеля, хотя само действие не выражено глагольной или причастной формой.

В славянских (и других) языках известны также употребления ДП, не выражающего значения принадлежности, для выражения агенса действия, которое уже в древнем языке ограничено довольно узким кругом глаголов, принадлежащих, однако, к весьма распространенным (со значениями «видеть», «слышать», «знать» и др.). Примерами могут служить ст.-слав. *бѣ знаѣмъ архиереови*, др.-русск. *пути имъ въдоми*, *яругы имъ знаѣми*, русск. *нам известно, видно, слышно*, укр. *мені це відомо* и под.; ср. также ст.-слав. *чоудися ему* («удивился ему, удивлен им») и др. Аналогичные употребления известны в греческом, германских и некоторых других языках, в частности, с причастием «рожденный» (КОМУ) и другими, что в известных случаях могло лечь в основу значения деятеля у ДП.

7. При описании значений ТП, включая и ТД, в древних языках обычно не учитывается то немаловажное обстоятельство, что появление и существование ТД самым непосредственным образом связано с развитием «страдательности сказуемого» (А. А. Потебня). Значение агенса, независимо от способа выражения, осознается и оформляется как таковое в составе трехчленного пассива (модель ЧТО СДЕЛАНО КЕМ). Необходимо высказать ряд замечаний относительно истории последнего в славянских языках.

Традиционная точка зрения в рассматриваемом вопросе, как известно, предполагает существование «искони» трехчленного пассива и обратности его в активную конструкцию. Под влиянием этой точки зрения двучленная пассивная конструкция типа *князь нашъ убьенъ; люди его разграблены; в анбар лажено; их обмо(л)влено* и под. определяется как «дезактуализация» былого трехчленного страдательного оборота типа * *князь нашъ убьенъ (есть, былъ)* т а к и м - т о (КЕМ). Однако в действительности дело обстоит так, что предполагаемые «актуализированные» трехчленные страдательные обороты в древних непереводных памятниках встречаются исключительно редко или, как правило, вовсе отсутствуют. В последние ступенях истории языка они начинают встречаться чаще, представляя собою развивающееся явление языка. Традиционное мнение обязательно предполагает волнообразное развитие: и.-е. или праслав. * ЧТО СДЕЛАНО КЕМ → ЧТО СДЕЛАНО → ЧТО СДЕЛАНО КЕМ — и нуждается в объяснении причин «дезактуализации» (проще — устранения агенса). Такая схема плохо согласуется с фактическим материалом, не говоря уже о предполагаемом состоянии до возникновения и.-е. или праслав. * ЧТО СДЕЛАНО КЕМ.

В древнем языке в примерах типа *се сынъ твой убьенъ; и възвертися Андрей невреженъ; князь нашъ убьенъ* и под. с причастием страдательным, т. е. в благоприятных условиях для употребления ТД, последний, тем не менее, обычно не встречается. Для древнего языка кажется справедливым то, что «*князь убитъ*» — это состояние самого князя, мыслимое безотносительно к деятелю, который совершил убийство»¹³, т. е. весьма близкое по значению к *князь мертв* или *умер* (ср. с сопоставлением у А. А. Потебни примеров *он любим, он осужден* и *он прав*). Безотносительность к деятелю (во многих других случаях — к орудию, причине, источнику) подтверждает мнение А. А. Потебни о том, что «причастия страдательные с довольно давнего времени близки к прилагательному», в котором признак не предполагает и к а к о г о источника своего возникновения. То, что Т. П. Лом-

¹³ В. Л. Георгиева, История синтаксических явлений русского языка, М., 1968, стр. 48

тев считал «дезактуализацией» страдательного залога в древнем языке, оказывается, скорее, «безактуализацией», так как значение агенса и средства его выражения в языке значительно моложе, чем их отсутствие в нем. Анализируя примеры типа *князь нашъ убьенъ*, В. Л. Георгиева считает, что они обычно «не имеют четко осознаваемого страдательного значения». К сказанному можно добавить, что в рассматриваемых примерах не только деятель, но и само действие оказывается «на заднем плане», что объясняется характерным свойством причастия — близостью к имени и тем, что причастия страдательные — «наименее предикативны» (А. А. Потебня). Близость примеров типа *князь убит* и *князь мертв* проявляется в том, что оба они позволяют выразить статичность в предикации, так сказать, «неподвижность» (Л. П. Якубинский) признака. «Расширение» таких примеров путем обстоятельственных слов характеризует в первую очередь именно состояние, признак, а не предшествующее действие и, тем более, его источник. Поэтому описанные условия в древнем языке были далеко не столь благоприятны для употребления ТД, как это кажется с высоты развитого современного языка. (Одним из стимулов образования значения агенса должно быть увеличение «степени предикативности» причастия, что достигается в сочетаниях с глаголами «ослабленной семантики».)

8. Следует отметить также тот немаловажный акт, что количество примеров употребления модели ЧТО ЕСТЬ СДЕЛАНО, а в древнерусских непереводных памятниках — ЧТО СДЕЛАНО, т. е. модели с двучленным пассивом, вообще весьма невелико. По наблюдениям В. И. Борковского, в обследованных им древнерусских грамотах обнаружено всего 23 примера такого рода, из которых большинство принадлежит XV—XVI в.¹⁴ Заметный рост начинается с XVII в., но и в этом случае «в древнерусских памятниках при причастии обычно не называется действующее лицо»¹⁵. По нашим наблюдениям, в «Слове о полку Игореве» употреблено немногим более 20 страдательных причастий (совершенного вида), а в «Поучении Владимира Мономаха» — менее 10, из которых в собственно повествовании обнаружено только одно: *и Олегъ приде из Володимиря выведенъ*, а остальные употреблены в правоучительной части памятника: *како небо устроено; земля на водахъ положена; хваленъ збо; да будетъ проклятъ; украшено твоимъ промысломъ* (часть примеров явно книжного происхождения). В памятниках народного творчества страдательных причастий еще меньше; так, в былинах обнаружены: *ему выбито право око; ко стремени булатному прикована; на камени подпись подписана* и нескольких других, среди них — на -о: *было воткнуто два острые ножика; было вставлено по дороге камению; мудрены вырезы вырезано; неладно у апостолов удумано; неладно у святыхъ отцовъ написано* и немногие другие¹⁶.

Язык древнерусских непереводных памятников свидетельствует о весьма редком употреблении модели ЧТО (ЕСТЬ) СДЕЛАНО, а язык памятников последующих столетий отражает ее постепенное распространение, что в общем указывает на восходящую тенденцию в истории развития такой конструкции. Из этого обстоятельства следует весьма вероятное предположение о том, что в языке дописменного периода двучленный пассив едва ли был распространен шире (как и потенциальная возможность для возникновения значения агенса). Скорее — наоборот,

¹⁴ В. И. Борковский, Синтаксис древнерусских грамот, стр. 73—74. 81; см. также «Сравнительно-исторический синтаксис восточнославянских языков. Типы простого предложения», стр. 170—171.

¹⁵ «Сравнительно-исторический синтаксис восточнославянских языков. Типы простого предложения», стр. 171.

¹⁶ В. В. Сиповский, Историческая хрестоматия по истории русской словесности, I, 1, СПб., 1914, стр. 39—71.

что подтверждается не только изложенными выше, но и другими обстоятельствами.

9. Незначительное распространение страдательных оборотов в древнем языке по-своему компенсируется (и отчасти объясняется) весьма обширным употреблением неопределенно-личных предложений: *видяху столпъ огньнъ; поставиша (НН.) игоуменовъ; на мѣстѣ идеже оубиша Бориса* и множеством других. Широкое распространение таких предложений во всех древних письменных памятниках, особенно непереводных, объясняет, по-видимому, причины замены греческого пассивного оборота (двучленно-го, в частности) старославянским действительным оборотом с 3-м лицом мн. числа, что отметил А. Вайан¹⁷. Важно, что двучленный пассив обычно не калькировался, но заменялся действительным неопределенно-личным оборотом не только в древнейших памятниках, но и гораздо позже. В древнерусских памятниках безличные предложения с причастием страдательным «занимают... скромное место по сравнению с другими безличными предложениями»¹⁸. По нашим подсчетам, количество страдательных причастий (вместе с формами на -о), например, в летописных частях «Повести временных лет» во много раз меньше, чем во «вкраплениях», а количество действительных безличных оборотов в несколько раз больше, чем двучленных страдательных конструкций. Употребление на месте последних более привычных действительных оборотов (тип *да не судятъ вамъ* вместо ожидаемого *да не судимы будете*) наводит на мысль о том, что в действительном обороте представлено древнейшее состояние. Это же обстоятельство, как нам кажется, объясняет парадоксальную, на первый взгляд, замену двучленного пассива при сохранении трехчленного. Последний калькировался (вместе с сочетанием *от + РП*), сохранялся именно потому, что модель ЧТО СДЕЛАНО КЕМ/ОТ КОГО была еще чуждой славянским языкам. Однако авторитет оригинала требовал, а «арсенал» средств славянских языков позволял, чтобы трехчленный пассив вошел в язык перевода без изменений. Двучленный же пассив как более близкое явление (отсутствие агенса — безличность) легко заменялся давно существующим, «своим» средством — оборотом с 3-м лицом мн. числа и действительным залогом сказуемого. Подобного рода процессы и детали заимствований и иноязычных влияний известны в истории многих языков.

«Дезактуализация» страдательного залога, или «устранение» (Е. Ф. Карский) указания деятеля, происходила в древнем языке не столько «по ненужности обозначения деятеля», сколько потому, что само значение агенса и осознаваемые средства его выражения были чуждыми древним славянским и другим языкам, что сохраняется в них в течение весьма длительного времени. Это обстоятельство сближает выражения типа *князь нашъ убьенъ* и *ище убьють посла*, в которых деятель вообще не подразумевается, подобному тому, как в *князь нашъ мертвъ* и под. Однако между ними есть и существенные различия.

10. В одном из них развитие происходило таким образом, что устранение деятеля, даже выраженного формой 3-го лица мн. числа и не предполагающего за собою кого-либо, исторически имело место, но это — действительная конструкция, продукт активного строя языка. Во втором обороте — страдательном, зародившемся в таком же строе языка, указание деятеля тем или иным способом оказывается сравнительно поздним явлением, которому предшествовала «безактуализация» действия.

Развитие рассматриваемых оборотов в древнерусском языке происходило в двух направлениях: выражение в предикации статичного, «непод-

¹⁷ А. В а й а н, Руководство по старославянскому языку, М., 1952, стр. 386.

¹⁸ «Сравнительно-исторический синтаксис восточнославянских языков. Типы простого предложения», стр. 170.

вижного» признака и динамичного, «возникающего». Различия в значениях и способах выражения весьма наглядны в следующем отрывке из «Слова о полку Игореве»: *На Немизь снопы стелють головами* (т. е. «из голов»), *молотять чепи харалужными, на тоць животъ кладуть, вьютъ душу отъ тѣла. Немизь кровави брезъ не бологомъ бяхуть посьяни, посьяни костьми рускихъ сыновъ*. Следует добавить, что употребление в рассматриваемых случаях форм 3-го лица мн. числа обусловлено тем, что их «неопределенность» (В. И. Борковский) значительно больше, чем у любой другой личной формы глагола, а их предикативность — больше, чем у причастия страдательного. В процессе последующего развития литературного языка оборот типа *аще убьютъ посла* (по нашему убеждению — более древний и самобытный) вытесняется оборотом *и да будетъ убитъ* (как кажется, не без влияния книжных, церковнославянских норм).

Целесообразно сопоставить особенности рассматриваемых оборотов на примерах, скажем, *приведоша* и «привели его» и *он приведен*. Общим и свойствами оборотов *привели его* и *он приведен* оказываются следующие: а) отсутствие указания действующего лица; б) длительное употребление в различных жанрах (если даже не в языках): древнерусском, народном и старославянском, книжном.

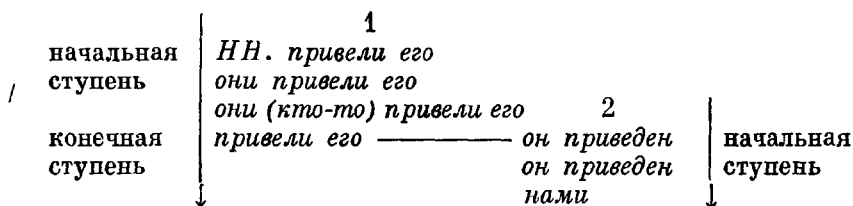
Различия рассматриваемых оборотов: а) действительный и страдательный залоги; б) семантические — «возникающий» и «данный» признаки, «черта глагола» и «черта имени» (А. А. Потебня); в) синтаксические — одно из принципиальных различий состоит в невозможности употребления прямого дополнения в обороте с причастием страдательным: * *приведен его*. Народный язык, в котором очень прочны древние основы активного строя, устранил это противоречие и создал возможность употреблять прямое дополнение при страдательных причастиях на -о, сохраняя древнюю тенденцию к «безактуализации» пассива: ст.-укр. *подрубано сосну бортную...* и *съ тое сосны медъ vybrano* и *сосну спалено*; *товариство все побито*, укр. *а на дворі коня взято*; *синка твого поховано*, ст. белорусск. *самого вдарено каменемъ*; *царя пуццоно*, русск. *скорбново словомъ пользовано*; *воду отнято*; *рубашку взято* и др., чему, возможно, предшествовало использование именительного падежа, как в *вода отнято*¹⁹. Весьма вероятно, что такого рода употребления (тип *воду отнято*) существовали и в более древнем языке. В. И. Борковский считает, что «большой рост безличных предложений с причастием прошедшего времени страдательного залога в старобелорусских и староукраинских памятниках вызван в первую очередь тем, что при причастии стала возможной постановка прямого дополнения»²⁰. Первоначально такой оборот не предполагал никакого значения деятеля. А. А. Потебня приводит всего один «крайне редкий случай» из украинского народного языка: *Походжено та поброджено, та коло моря кіньми* (ТП), *то ж не кіньми поброджено, то — журавочка з дітьми* со страдательным причастием на -о от непереходного глагола. В письменных памятниках XVI—XVII вв. редко встречаются примеры с указанием деятеля: *ничого ти* («тебе») *мною не заборонено* и др.²¹. Употребление в литературном языке сочетания *его приведено* с ТД, т. е. **его приведено нами* и под. представляло бы собою в некотором смысле идеальную страдательную конструкцию с агенсом, объектом и страдательным причастием, но без подлежащего, т. е. без «остатков» активного строя предложения, если не учитывать значения среднего рода в форме на -о; г) противоположные тенденции развития оборотов *привели его* (1) и *он приведен* (2). В примере 1 уст-

¹⁹ Примеры А. А. Потебни и В. И. Борковского.

²⁰ «Сравнительно-исторический синтаксис восточнославянских языков. Типы простого предложения», стр. 175.

²¹ Там же, стр. 176.

ранение деятеля возможно только на последнем этапе развития предложения *НН. привели его*:

«Расширение» примера 1 с целью «актуализации» действующего лица возможно т о л ь к о в направлении, противоположном развитию этой конструкции. «Расширение» примера 2, в отличие от первого, путем «актуализации» деятеля (КЕМ — *нами*) является результатом и признаком дальнейшего развития конструкции.

Предложенная выше схема в общем виде показывает основные закономерности развития страдательных оборотов не только в славянских языках. Имеются основания считать, что в последних, а также в балтийских и германских языках категория страдательного залога, которая «для языков древних эпох вообще не является типичной»²², и, в частности, значение агенса и способы его выражения относятся к сравнительно поздним явлениям. В истории славянских и многих других языков распространение трехчленной пассивной конструкции с ТД и сочетанием *от* + РП непосредственно связано с возникновением письменности и влиянием норм книжного языка. Эта особенность древних языков в значительной степени свойственна и большей части современных индоевропейских языков, в которых страдательный залог не приобрел заметного распространения в живом, народном языке. Едва ли есть основания думать, что в древних языках наблюдалось иное, принципиально отличное (в рассматриваемом вопросе) состояние, что в значительной степени способствует выяснению вопроса о значениях ТП и о времени образования некоторых из них.

²² Б. А. Серебрянников, К проблеме отражения развития человеческого мышления в структуре языка, ВЯ, 1970, 2, стр. 45.